
СТИВЕН
КИНГ
МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ,
КАК ВЫ ЛЮБИТЕ
Перевод Ернара Шамбаева (2024)

"Мрачные истории, как вы любите" (2024) — это новый сборник рассказов и повестей Стивена Кинга, общепризнанного короля ужасов и мастера триллеров.

Сборник включает в себя 12 произведений, 6 из которых уже были ранее переведены и выложены в Сети в 2023 году.

В данном сборнике:

Детектив, ужасы, фантастика, мистика, чёрный юмор – талант Кинга многогранен!

Перевод и примечания сделаны Ернаром Шамбаевым, телеграм-канал: https://t.me/king_holly

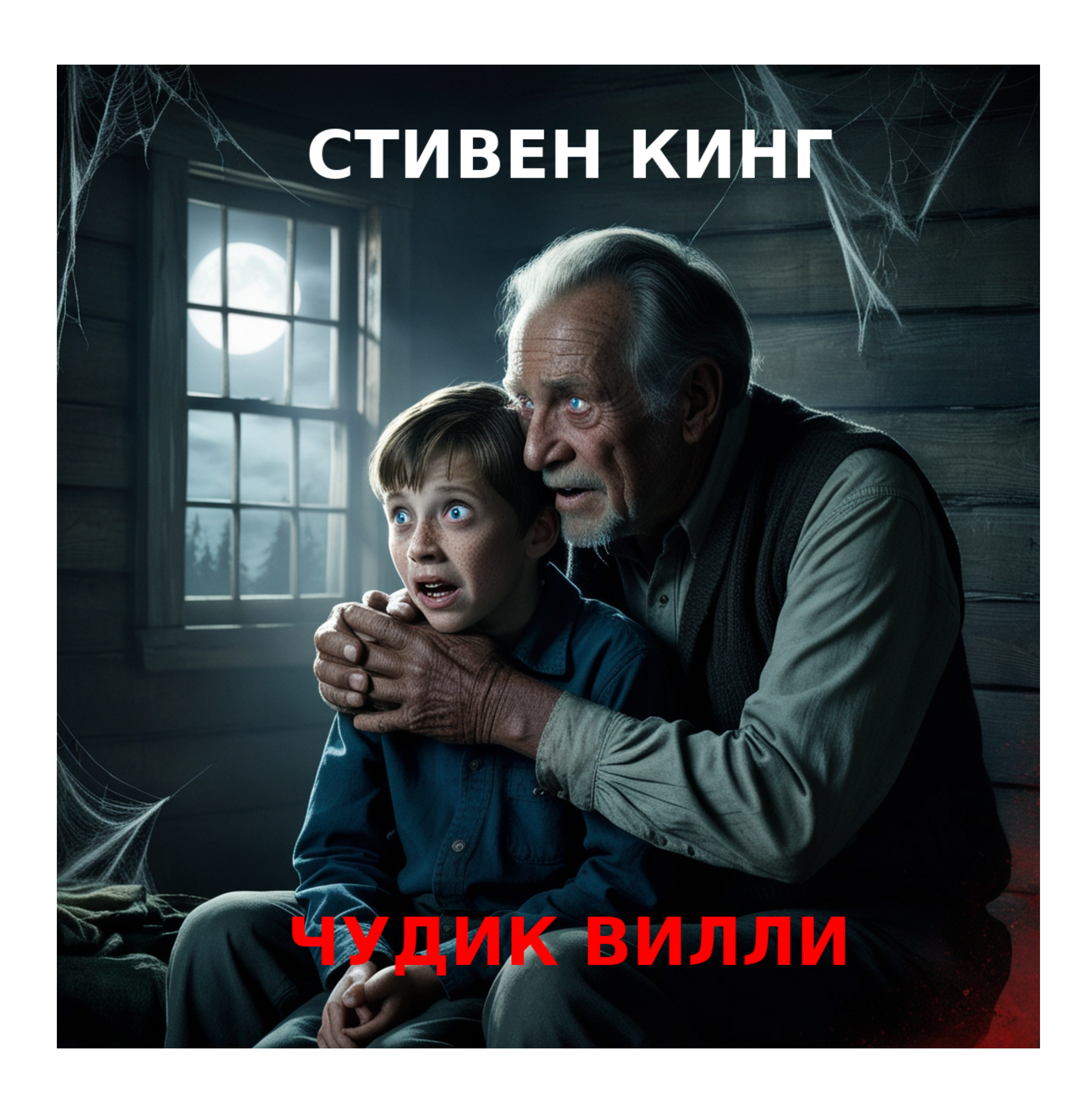
В конце этого сборника вас ожидает приятный бонус — свежее интервью с Мастером Кингом.

А теперь - откиньтесь на спинку кресла и наслаждайтесь.

Вас ожидает увлекательное, незабываемое путешествие!

В путь, друзья!

Чудик Вилли

Мама и папа Вилли считали своего сына странным: он прилежно изучал мёртвых птиц, коллекционировал дохлых жуков и мог часами смотреть на плывущие в небе облака. Но только Рокси озвучила их мысли вслух. "Чудик Вилли" – так назвала она его однажды за ужином, когда Вилли делал (во всяком случае, пытался) лицо клоуна из картофельного пюре, используя подливку для глаз. Вилли было десять лет. Рокси было двенадцать, и у неё начала расти грудь, чем она очень гордилась. За исключением тех моментов, когда Вилли пялился на её грудь, от чего ей становилось не по себе.

— Не называй его так, – велела мать. Её звали Шэрон.

— Но если это правда, – возразила Рокси.

Отец произнёс:

— Уверен, в школе ему и так достаётся. — Отца звали Ричард.

Иногда – точнее, часто – семья говорила о Вилли так, словно его не было рядом. Все, кроме старика, сидевшего в конце стола.

— А тебе достаётся в школе? – спросил дед. Он потёр пальцем кожу между носом и верхней губой, у него была привычка тереть это место после того, как он задавал вопрос (или отвечал на него). Деда звали Джеймс. Обычно за семейными трапезами он молчал. Отчасти потому, что это было в его натуре, а отчасти потому, что приём пищи стал для него тяжким испытанием. Он медленно жевал жаркое из говядины. Большинство его зубов выпало.

— Не знаю, – ответил Вилли. — Иногда. — Он внимательно смотрел на своё картофельное пюре. Теперь клоун ухмылялся блестящей коричневой улыбкой с маленькими каплями жира вместо зубов.

* * *

Шэрон и Рокси прибирались после ужина. Рокси нравилось мыть посуду вместе с матерью. Безусловно, это было сексистским разделением труда, но зато они могли спокойно и беспрепятственно обсуждать важные вопросы. Например, Вилли.

Рокси сказала:

— Он очень странный. Признай же это. Поэтому он ходит в коррекционную школу.

Шэрон оглянулась, чтобы убедиться, что их никто не слышит. Ричард ушел на прогулку, а Вилли удалился в комнату деда с человеком, которого Рич иногда называл стариком, а иногда – квартирантом. И никогда – папой или отцом.

— Вилли не такой, как другие мальчики, – сказала Шэрон, – но мы всё равно его любим. Так же?

Рокси задумалась.

— Наверное, я его люблю, но он мне не особо нравится. У него в дедушкиной комнате стоит банка со светлячками. Он говорит, что ему нравится смотреть, как они гаснут, когда умирают. Мне от этого становится жутковато. Он — яркая иллюстрация к книге "Серийные убийцы в детстве".

— Никогда так больше не говори, – приказала ей Шэрон. – Он может быть очень милым.

В глазах Рокси он никогда не выглядел милым, но она решила, что лучше промолчать. К тому же она продолжала думать о светлячках и их маленьких огоньках, гаснущих один за другим.

— И дедушка вместе с ним смотрит на них. Они всё время там разговаривают. Дедушка больше ни с кем не разговаривает.

— У твоего дедушки была тяжелая жизнь.

— Он мне вообще-то не настоящий дед. Ну, то есть не по крови.

— Можно сказать и так. Дедушка Джеймс и бабушка Элиза усыновили твоего папу, когда он был совсем малышом. Это не совсем одно и то же, если бы папа вырос в приюте, и, скажем, в двенадцать лет его бы усыновили.

— Папа говорит, что дедушка почти не разговаривал с ним после смерти бабушки Элизы. Говорит, бывали дни, когда они едва обменивались парой слов. Но с тех пор как он переехал жить к нам, они с Вилли сидят там и болтают без умолку.

— Хорошо, что они ладят друг с другом, – сказала Шэрон, но нахмурилась, глядя на мыльную воду. – Думаю, это удерживает твоего дедушку в этом мире. Он очень стар. Ричард появился у них поздно, когда Джеймсу и Элизе было уже за пятьдесят.

— Я не думала, что таким старым людям разрешают усыновлять детей, – сказала Рокси.

— Не знаю, как у них там всё устроено, – сказала мать. Она выдернула пробку, и мыльная вода начала убывать с бульканьем. У них была посудомоечная машина, но она сломалась, и отец – Ричард – не торопился её чинить. С тех пор как дедушка переехал к ним жить, с деньгами стало туго, потому что своей мизерной пенсией он не особо помогал семейному бюджету. Кроме того, как знала Рокси, мама и папа уже начали откладывать деньги на её обучение в университете. И вряд ли на образование Вилли, потому что он учился в коррекционной школе. Он любил облака, мертвых птиц и умирающих светлячков, а к учебе его совсем не тянуло.

— Мне кажется, папа не очень любит дедушку, – тихо произнесла Рокси.

Мать еще больше понизила голос, так что её едва можно было расслышать за последними булькающими смешками из раковины.

— Не любит. Но знаешь что, Рокс?

— Что?

— Так бывает в семьях. Ты вспомнишь об этом, когда у тебя будет своя.

Рокси не собиралась заводить детей, но если бы их завела, и один из них оказался бы таким же, как Вилли, то, скорее всего, у неё возникло бы непреодолимое искушение отвезти его в самый дальний темный лес, высадить из машины и просто оставить там. Как та злая мачеха из сказки. Она на мгновение задумалась, не странные ли мысли возникают у неё в голове, но затем решила, что нет. Однажды она услышала, как отец сказал матери, что потолком карьеры Вилли может стать упаковка продуктов в магазине "Крогер".

* * *

Джеймс Джонас Фидлер — он же дедушка, он же дед, он же старик — выбирался из своей комнаты (которую Шэрон называла берлогой, а Ричард — логовом) ради приёма пищи, иногда сидел на заднем крыльце и курил сигарету (по три штуки в день), но в основном оставался в маленькой задней спальне, которая до прошлого года была маминым кабинетом. Изредка он посматривал маленький телевизор на комоде (три канала, без кабельного телевидения), но

большую часть времени либо спал, либо молча сидел в одном из двух плетеных кресел, глядя в окно.

Но когда к нему заходил Вилли, он закрывал дверь и начинал рассказывать. Вилли слушал, а когда задавал вопросы, дедушка всегда отвечал на них. Вилли знал, что большинство ответов были неправдой, а большинство советов деда было плохими (Вилли учился в школе для отстающих не потому, что был глупым, а потому, что это давало ему возможность думать о более важных вещах), но ответы и советы ему всё равно нравились. И чем безумнее, тем лучше.

В тот вечер, когда мать с сестрой обсуждали их на кухне, Вилли снова спросил деда — просто чтобы проверить, совпадают ли его ответы с предыдущими, — какая была погода в Геттисберге[210].

Дед потёр пальцем под носом, словно нащупывая щетину, и задумался.

— День первый, облачно и около 70 градусов. Неплохо. День второй, частичная облачность и 81 градус. Терпимо. День третий, день атаки Пикетта, 87 градусов, и солнце било по нам молотом. Не забывай, мы были в шерстяных униформах. От нас всех разило потом.

Прогноз погоды совпадал. Пока всё хорошо.

— Ты действительно там был, деда?

— Да, — без колебаний ответил дед. Он провёл пальцем под носом и над верхней губой, затем начал ковырять жёлтым ногтем в оставшихся немногочисленных зубах, вытаскивая волокна ростбифа. — И выжил, чтобы поведать тебе эту историю. А многие не выжили. А хочешь узнать о 4 июля, Дне независимости? Люди стали забывать об этом дне, потому что битва уже закончилась. — Он не стал дожидаться ответа Вилли. — Лил проливной дождь, грязь засасывала сапоги, мужчины плакали, как дети. Ли[211] на своём коне...

— Травелер.

— Да, Травелер. Ли на своём коне был впереди. На его шляпе и на сиденье его брюк была кровь. Но не его кровь. Он не был ранен. Тот человек был дьяволом.

Вилли взял с подоконника бутылку (на выцветшей этикетке было написано "Хайнц Релиш") и начал наклонять её из стороны в сторону, наслаждаясь сухим шелестом мертвых светлячков. Он представил себе шум ветра в траве на кладбище в тот жаркий июльский день.

— Расскажи про знаменосца.

Дед провёл пальцем между носом и губой.

— Ты слышал эту историю уже раз двадцать.

— Расскажи только конец. Это моя любимая часть.

---

[210] Битва при Геттисберге — самое кровопролитное сражение в ходе Гражданской войны в США, произошедшее 1—3 июля 1863 года в округе Адамс штата Пенсильвания и считающееся переломной точкой в конфликте

[211] Ричард Генри Ли — американский политик, участник Войны за независимость США

— Ему было двенадцать. Он поднимался на холм рядом со мной, высоко держа флаг "Звёзды и полосы"[212]. Конец флагштока был закреплён в маленьком жестяном стаканчике на его поясе. Тот стаканчик сделал мой друг Мика Леблан. Мы уже были на полпути к Семетери-Хилл, когда мальчика ударило прямо в горло.

— Расскажи про кровь!

— Его губы разошлись. Зубы были стиснуты. Думаю, от боли. Кровь хлынула между ними.

— И она блестела...

— Верно. — Палец быстро прошёлся под носом, затем вернулся к зубам, где ещё оставалось одно упрямое волокно. — Она блестела как...

— Как рубины на солнце. И ты всё это видел.

— Я же говорил. Я поднял флаг Конфедерации, когда тот мальчик упал. Я пробежал с флагом ещё двадцать шагов, и мы почти достигли скалы, за которой прятались янки, но нас отбросили назад. Когда мы отступали, я нёс флаг вниз по холму. Старался перешагивать через трупы, но их было так много, поэтому не смог перешагнуть через все.

— Расскажи про толстяка.

Дедушка потёр щеку, затем снова кожу под носом.

— Когда я наступил ему на спину, он пукнул.

Лицо Вилли исказилось в беззвучном смехе, и он обхватил себя руками. Так он делал всегда, когда ему было весело, и всякий раз, когда Рокси видела это перекошенное лицо и самообъятия, она лишний раз убеждалась в том, что его брат — чудик.

— Вот! — сказал дед, наконец, вытащив длинную нить говядины. — Покорми светлячков.

Он протянул кусочек мяса Вилли, который бросил его поверх мертвых светлячков в банку из-под "Хайнца".

— Теперь расскажи про Клеопатру.

— Какую часть?

— Про баржу.

— Аха, про баржу, значит? — Дедушка погладил ногтем подносовую бороздку. — Что ж, можно и про баржу. Нил был так широк, что мы едва видели другой берег, но в тот день он был гладкий, как животик младенца. Я держал руль...

Вилли подался вперёд, заворожённый.

* * *

---

[212] неофициальное название первого флага Конфедеративных Штатов Америки, использовавшегося во время Гражданской войны в США

Вскоре после того дня, когда Вилли делал лицо клоуна из картофельного пюре, он сидел на обочине после дождя. Вилли снова опоздал на автобус домой, но не расстроился из-за этого. Он наблюдал за дохлым кротом в канаве, гадая, смоет ли того бурлящая вода в канализационный сток. Мимо проходила пара здоровенных парней, обмениваясь ударами в плечо и различными нецензурными остротами. Увидев Вилли, они остановились.

— Взгляни на этого придурка, который обнимает себя, — сказал один.

— Потому что с ни одной нормальной девушкой ему не светит, — сказал другой.

— Вот уродец, — сказал первый. — Зацени эти поросячьи глазки.

— И прическу, — сказал второй. — Как будто её слепили. Эй, ДЦП-шник!

Вилли перестал обнимать себя и посмотрел на них.

— Твоя морда подозрительно похожа на мою задницу, — сказал первый и получил "пятюню" от своего приятеля.

Вилли снова посмотрел на мёртвого крота. Его несло к канализационной решетке, но очень медленно. Вилли не верил, что он доплывет. По крайней мере, если снова не начнется дождь.

Первый пнул Вилли в бедро и предложил избить его.

— Брось его, — сказал второй. — Мне нравится его сестра. У неё секси-тело.

Они пошли дальше. Вилли подождал, пока они не исчезнут из виду, затем встал, оттянул влажную штанину от задницы и пошёл домой. Отец с матерью всё ещё были на работе. Рокси была, вероятно, где-то с подругами. Дед сидел в своей комнате и смотрел какое-то игровое шоу по телевизору. Когда Вилли вошёл к нему, он выключил телевизор.

— У тебя проблемка с движением, — заметил дед.

— Что?

— Прихрамываешь. Пойдём на заднее крыльцо. Я хочу покурить. Что с тобой случилось?

— Один пацан пнул меня, — пожаловался Вилли. — Я смотрел на крота. Он был мертв. Я хотел увидеть, смоет его в канализацию или нет.

— Смыло?

— Нет. Разве что после моего ухода, но не думаю.

— Пнул тебя, говоришь?

— Да.

— Ага, — сказал дед, и на этом тема была исчерпана. Они вышли на крыльцо и сели. Дедушка зажёг сигарету и закашлялся после первой же затяжки.

— Расскажи про вулкан под Йеллоустоуном, — попросил Вилли.

— Еще раз?

— Да, пожалуйста.

— Ну, он большой. Наверное, самый большой на свете. И однажды он взорвётся. Уничтожит весь штат Вайоминг, плюс часть Айдахо и большую часть Монтаны.

— Но это ещё не всё, — сказал Вилли.

— Совсем не всё, — дед курил и кашлял. — Он выбросит в атмосферу миллиард тонн пепла. По всему миру погибнет урожай. Люди будут повсюду умирать. А Интернет, которым все так гордятся, накроется.

— А те, кто не умрут от голода, задохнутся, — сказал Вилли. Его глаза сияли. Он схватил себя за горло и прохрипел. — Это будет массовым вымиранием, как с динозаврами. Только на их месте будем мы.

— Правильно, — подтвердил дед. — Тот пацан, который тебя пнул, больше не вздумает никого пинать. Он будет плакать по своей мамочке.

— Но его мамочка уже будет мертва.

— Верно говоришь, — похвалил его дед.

* * *

Той зимой болезнь в Китае, которая была всего лишь очередным сюжетом в вечерних новостях, превратилась в чуму, начав убивать людей по всему миру. Больницы и морги были переполнены. Люди в Европе в основном сидели дома, а когда выходили на улицу, надевали маски. Часть людей в Америке тоже надевали маски, в основном когда шли в супермаркет. Это было не так грандиозно, как мощное извержение вулкана в Йеллоустоунском национальном парке, но, по мнению Вилли, тоже было неплохо. Он лихорадочно отслеживал количество умерших на своем телефоне. Школы досрочно закрылись. Рокси рыдала, потому что пропускала бал, посвящённый окончанию учебного года, но Вилли не огорчился. Когда ты в классе для отстающих, у тебя не бывает выпускного бала.

В марте того года дедушка начал сильно кашлять, а иногда кашлял кровью. Отец отвёз его к доктору, и им пришлось ждать очереди к врачу в машине на парковке, потому что от вируса люди мёрли как мухи. И мать, и отец были уверены, что деда заразила либо Рокси, либо Вилли. Казалось, что большинство детей не заболевали или, по крайней мере, болели не так сильно, но они могли передавать вирус, и когда старики заражались, то обычно умирали. По новостям говорили, что нью-йоркские больницы хранили трупы в грузовиках-рефрижераторах. В основном трупы стариков, как дедушка. Вилли задумывался с интересом, а как выглядит содержимое этих грузовиков. Завернуты ли мертвецы в простыни или они лежат в мешках для трупов? А что, если кто-то из них ещё был жив, но замёрз насмерть в грузовике? Вилли подумал, что из этого вышло бы отличное телешоу.

Но оказалось, что у дедушки не было вируса, у него был рак. Врач сказал, что болезнь началась в поджелудочной железе, а затем распространилась на легкие. Мать рассказала всё Рокси, пока они мыли посуду, а Рокси выдала Вилли. В обычной ситуации она бы такого не сделала,

обычно кухня после ужина была как Вегас (о чем говорится в Вегасе, остается в Вегасе), но Рокси не могла удержаться, чтобы не поведать Чудику Вилли, что его любимый дедушка одной ногой в могиле.

— Папа спросил, ложить ли его в больницу, — рассказывала она Вилли, — и врач ответил: "Если не хотите, чтобы он умер через две недели, а не через полгода или год, держите его дома". Врач сказал, что больница сейчас — это рассадник микробов, и все, кто там работает, должны одеваться как в научно-фантастическом фильме. Вот почему он здесь.

— Аха, — хмыкнул Вилли.

Рокси толкнула его локтем.

— Я не пойму, тебе весело, что ли? Он же твой единственный друг? Если, конечно, ты не дружишь с другими такими же чудиками в школе. Которая... — Рокси издала печальный звук. — ...теперь тоже закрыта, как и моя.

— Что будет, когда он больше не сможет ходить в туалет? — спросил Вилли.

— О, он будет продолжать какать и писать до самой смерти. Просто будет делать это в постели. Ему придётся носить подгузники. Мама сказала, что они бы отправили его в хоспис, только не могут себе этого позволить.

— Аха, — снова хмыкнул Вилли.

— Ты должен был плакать, — возмутилась Рокси. — Ты действительно грёбаный чудик.

— В стародавние времена дедушка работал полицейским в местечке под названием Селма[213], — сказал Вилли. — Он избивал чернокожих. Он сказал, что на самом деле не хотел этого делать, но ему приходилось. Потому что приказ есть приказ.

— Конечно, — сказала Рокси. — А в совсем стародавние времена у него были острые уши и туфли с загнутыми носками, и он работал в мастерской Санты.

— Это неправда, — возразил Вилли. — Санта-Клауса не существует.

Рокси схватилась за голову.

* * *

Дедушка не протянул ни год, ни шесть месяцев, ни даже четыре. Он сдал быстро. К середине весны он был прикован к постели и носил подгузники для взрослых под ночной рубашкой. Менять подгузники, конечно же, стало обязанностью Шэрон. Ричард заявил, что не выносит этой вони.

Когда Вилли предложил свою помощь маме, если она покажет ему, как это делается, она посмотрела на него, как на спятившего. Она надевала маску, когда меняла подгузники или

---

[213] В марте 1965 года именно из Селмы начинались марши на столицу штата Алабама — город Монтгомери, ставшие важной частью кампании за регистрацию черных избирателей, начатой Мартином Л. Кингом

кормила его протертой в блендере едой. Её беспокоил не вирус, потому что у деда его не было, а запах. Она называла его смрадом.

Вилли вроде как нравился этот смрад. Он не любил его, это было бы слишком, но ему он нравился — смесь мочи, лекарств "Викс" и медленно разлагающегося дедушки была интересной, как интересно было смотреть на мертвых птиц или наблюдать за тем, как мертвый крот совершает свое последнее путешествие по водостоку — что-то вроде похорон в замедленной съемке.

Хотя в дедушкиной комнате было два плетеных стула, теперь использовался только один. Вилли пододвигал его к кровати и беседовал с дедушкой.

— Насколько близко ты теперь к смерти? — спросил он однажды.

— Довольно близко, — ответил дедушка. Он провел дрожащим пальцем под носом. Его палец пожелтел. Вся кожа уже пожелтела, потому что он страдал не только от рака, но и от желтухи. Ему пришлось отказаться от сигарет.

— Больно?

— Когда кашляю, — ответил дедушка. Его голос стал низким и хриплым, как рычание собаки. — Таблетки помогают, но когда кашляю, кажется, что меня разрывает на части.

— А когда кашляешь, чувствуешь вкус своих какашек, — сказал Вилли будничным тоном.

— Верно.

— Тебе грустно?

— Нет. Всё в норме.

Снаружи дома Шэрон и Рокси работали в саду, согнувшись так, что Вилли видел только их торчащие задницы. И его это устраивало.

— Когда ты умрешь, ты будешь это осознавать?

— Если буду в сознании.

— Какая будет твоя последняя мысль?

— Не уверен. Может, о знаменосце при Геттисберге.

Вилли был немного разочарован, что это будет мысль не о нём, но не слишком.

— Можно мне посмотреть?

— Если будешь рядом, — ответил дедушка.

— Потому что я хочу это увидеть.

Дедушка ничего не ответил.

— Будет ли белый свет, как думаешь?

Дедушка помассировал верхнюю губу, обдумывая вопрос.

— Вероятно. Это химическая реакция, когда мозг отключается. Люди, которые думают, что это дверь в какую-то славную загробную жизнь, просто обманывают себя.

— Но ведь загробная жизнь существует. Не так ли, деда?

Джеймс Джонас Фидлер снова провёл длинным жёлтым пальцем по скудной коже под носом, затем продемонстрировал в улыбке свои немногочисленные оставшиеся зубы.

— Ты удивишься.

— Расскажи мне, как ты увидел сиськи Клеопатры.

— Нет. Я слишком устал.

* * *

Как-то вечером, неделю спустя, Шэрон подала свиные отбивные и велела семье насладиться ими — смаковать каждый кусочек, как она выразилась.

— Какое-то время отбивных больше не будет. Бекона тоже. Свинофермы закрываются, потому что почти все работники заболели вирусом. Цены взлетят до небес.

— День, когда не умрут свиньи! — воскликнула Рокси, разрезая свою отбивную.

— Что? — спросил отец.

— Это такая книга. Я делала по ней доклад. Получила четыре с плюсом. — Она бросила кусочек в рот и повернулась к Вилли с улыбкой. — А ты прочёл хотя бы букварь для первоклассников?

— Что такое букварь? — спросил Вилли.

— Оставь его в покое, — сказала мать.

У отца было хобби — строить скворечники. Местный сувенирный магазин взял их на реализацию и даже продал несколько штук. После ужина он отправился в свою маленькую мастерскую в гараже, чтобы соорудить еще один. Мама с Рокси ушли на кухню мыть посуду и болтать о своём. Задача Вилли была убрать со стола. Когда он закончил с этим, он отправился в комнату дедушки. Джеймс Фидлер превратился в скелет с лицом в виде черепа, обтянутого кожей. Вилли подумал, что если в его гроб заползут жуки, то они найдут там мало съедобного. Запах больничной палаты ещё сохранялся, но запах разлагающегося дедушки, казалось, почти исчез.

Дедушка приподнял руку и поманил Вилли. Когда Вилли сел рядом с кроватью, дедушка подозвал его ещё ближе.

— Вот оно, — прошептал он. — Мой главный день.

Вилли придвинул свой стул поближе. Он заглянул в глаза дедушки.

— Каково это?

— Хорошо, — выдохнул дедушка. Вилли подумал, не выглядит ли он в глазах дедушки отдаляющимся и тускнеющим. Он видел такое однажды в фильме.

— Подойди ближе.

Ближе придвинуть стул было уже невозможно, поэтому Вилли наклонился почти вплотную, так близко, что мог бы поцеловать иссохшие губы дедушки.

— Я хочу посмотреть, как ты умираешь. Хочу быть последним, что ты увидишь.

— Я хочу посмотреть, как ты умираешь, — повторил дедушка. — Хочу быть последним, что ты увидишь.

Его рука поднялась и с неожиданной, удивительный силой схватила затылок Вилли. Ногти деда вонзились. Он потянул Вилли к себе.

— Хочешь узнать больше о смерти? На, получи её полную порцию!

* * *

Через несколько минут Вилли остановился у двери на кухню, чтобы подслушать.

— Завтра мы отвезем его в больницу, — сказала Шэрон. Она была на грани истерики. — Мне всё равно, сколько это будет стоить, я так больше не могу.

Рокси что-то сочувственно пробормотала.

Вилли вошел на кухню.

— Вам не придется везти его в больницу, — сказал он. — Он только что умер.

Они повернулись к нему, глядя с одинаковым выражением шока и зарождающейся надежды.

Мать спросила:

— Ты уверен?

— Да, — ответил Вилли и провел пальцем между губой и носом.

[К содержанию]

— Он включил газовую плиту, и мы нашли расплавленный кусок зажигалки на том месте, что осталось от кухонного пола, и как вы считаете?

Что я посчитал, так это то, что умный детектив мог бы задуматься: если они нашли остатки "Зиппо" на кухне, то как Элджин мог оказаться на кушетке в столовой? Но, видимо, детектив не блистал умом.

* * *

Я проработал в "Темп-О" до сентября, а затем уволился и уехал в Небраску. Никаких особых причин для Небраски не было, просто туда меня занесло. Я устроился на временную работу на ферму, одну из тех больших агрокомпаний, и управляющий оставил меня после окончания сезона сбора урожая. Сейчас я здесь. Идет снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за этим столом и думаю о галактиках за галактиками. Скоро я закрою этот блокнот, погашу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает меня. Иногда мне снятся вьетнамские джунгли и мужчины, кричащие в огне. Иногда женщины, кричащие в огне. Дети. Они умоляют: "Nahn tu, nahn tu". Это хорошие сны. Поверьте, я говорю правду. Потому что есть и плохие сны. В плохих снах я стою перед красным домом с зеленой дверью. Если я попытаюсь открыть эту дверь, она откроется. Я знаю это и знаю, что однажды войду внутрь и встану на колени у порога гостиной. "Nahn tu", — буду умолять я, — "nahn tu", но когда придет этот последний сон, пощады не будет. Не для меня.

С мыслями о Кормаке Маккарти[231] и Эванджелине Уолтон[232]

[К содержанию]

От переводчика

Перевод осуществлен бывшим студентом минского иняза (МГЛУ) Ернаром Шамбаевым абсолютно бескорыстно, что называется, из любви к искусству. Я крайне не поддерживаю решение Стивена Кинга отгородиться от русскоязычных читателей, но это его право. В любом случае убежден, что нельзя оставлять его творения без перевода на великий и могучий.

Если вам понравился перевод и вы желаете отблагодарить автора, то вот номер его счета:

4400 4301 4291 3943 YERNAR SHAMBAYEV

Это поддержит его в работе над переводами следующих произведений великого мастера современности. На подходе следующая книга о Холли Гибни “Always Holly” —

---

[231] Кормак Маккарти — американский писатель-романист, прозаик и драматург, сценарист, обладатель Пулитцеровской премии

[232] Эванджелина Уолтон — американская писательница

“Холли навсегда”. Это будет довольно большая книга со множеством героев и множеством сюжетных линий и, возможно, последняя о ней.

Также я принимаю заказы на перевод художественной, технической, программистской, спортивной, шахматной литературы с английского языка на русский. Мой email: yernar@rambler.ru

БОНУС: интервью со Стивеном Кингом (май 2024)

Мэри Луиза Келли: Я хотела бы начать с вопроса о повести "Человек-ответ". Вы начали ее писать, когда вам было 30, а закончили её в 75. Что же произошло?

Стивен Кинг: Ну, я её потерял. Со мной так бывает: я пишу рассказы и не всегда их завершаю. Те, что не дописываются, попадают в ящик, и я про них забываю. А около пяти лет назад мои люди начали собирать все мои завершенные и незавершенные работы и складывать их в архив. Они искали повсюду – в ящиках стола, в корзинах для мусора под столом, во всех местах. Я не очень организованный человек. Мой племянник Джон Леонард нашел эту конкретную вещичку, написанную в отеле "Ю-эн Плаза"[233] в 70-х годах, как мне кажется. И он сказал: "Знаешь, она очень хороша. Тебе действительно стоит её закончить". Я прочитал и сказал: "Кажется, теперь я знаю, как её закончить". И закончил.

Келли: Первые шесть или около того страниц, которые вы написали в отеле, превратились в 50-страничную повесть. Почему вы решили, что стоит вернуться?

Кинг: Ну, мне понравилась концепция: молодой человек едет по дороге и пытается понять, стоит ли ему присоединяться к юридической фирме своих родителей в Бостоне или начать свое собственное дело. И он встречает на обочине человека, который называет себя Человеком-который-знает-всё. И тот говорит: "Я отвечу на три ваших вопроса за 25 долларов, и у вас есть 5 минут, чтобы их задать". И я подумал, что напишу эту историю в трех действиях. Первый акт — когда вопрошающий молод, второй – когда он среднего возраста, и третий – когда стар. Вопрос, который я себе задаю: "Хочешь ли ты знать, что случится в будущем, или нет?"

Келли: Эта история, как и многие другие ваши произведения, – о судьбе, о том, чему суждено случиться, независимо от наших действий, независимо от того, какой выбор мы делаем. Вы верите в это?

Кинг: Мой ответ — я не знаю. Когда я пишу свои произведения, то пишу их, чтобы разобраться, что я думаю на самом деле. Не думаю, что на этот вопрос есть ответ.

Келли: В послесловии к книге вы упоминаете, что возвращение в свои семьдесят с лишним лет к завершению истории, которую вы начали писать ещё в молодости, дало вам, цитирую ваши слова, "крайне странное ощущение зова в каньон времени". Можете объяснить, что это значит?

Кинг: Ну, вы слушаете, вернется ли эхо. Когда я был молод, у меня были юные представления о Человеке-ответе. Но теперь, когда я достиг, скажем так, определенного возраста, я вынужден

[233] отель в Нью-Йорке

писать, опираясь на свой опыт и мысли том, каково это — быть стариком. Так что да, для меня это было, как крик и ожидание, вернется ли эхо спустя столько лет.

Келли: Есть ли такие темы, которых вы избегаете, которых вы сторонитесь, о которых вы задумываетесь и говорите: "Знаете что, это слишком жутко, слишком дико"?

Кинг: У меня был роман под названием "Кладбище домашних животных", который я написал и отложил в стол, потому что подумал: "Никто не захочет это читать. Это слишком ужасно". Я хотел его написать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, но не думал, что буду его публиковать. А потом я оказался в контрактных тисках-обязательствах и должен был выпустить книгу с моей старой компанией, поэтому выпустил её. И обнаружил – одновременно к своему восторгу и ужасу, – что американскую публику невозможно оттолкнуть чем-то очень страшным. Нельзя зайти слишком далеко.

Келли: Насколько я помню, это был огромный бестселлер.

Кинг: Да, это был бестселлер, и по нему сняли фильм. То же самое произошло с "Оно", о клоуне-убийце, охотящемся на детей.

Келли: Который до сих пор преследует меня в кошмарах, должна вам признаться. Сколько книг вы написали на данный момент?

Кинг: Не знаю.

Келли: Правда? В нашем недавнем репортаже о вас мы называли цифры от 50 до 70.

Кинг: Наверное, их около 70, но я не веду подсчетов. Помню, в детстве я думал, что было бы замечательно написать 100 романов за жизнь.

Келли: О Боже. Ну, вы, похоже, по-прежнему получаете от этого огромное удовольствие, так что надеюсь, нас ждёт впереди ещё много ваших романов.

Кинг: Было бы здорово.